

Страна изгнания. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Страна изгнания. Николай Семенович Лесков

Под этим заглавием недавно поступила в продажу книжка, составленная из путевых очерков и заметок одного из известных ученых русских офицеров, Сергея Ивановича Турбина. Почтенный автор этих очерков на своем веку изъездил Россию во всех направлениях и имеет с нею хорошее знакомство, а также талант рассказывать виденное правдиво, образно и беспристрастно. Поэтому все появлявшиеся до сих пор заметки полковника Турбина всегда бывали очень интересны; ныне же вышедшая его книжка еще более полна этого интереса, так как в ней собраны очерки и картины краев отдаленных и малоизвестных. Это картины "страны изгнания", то есть Сибири.

О Сибири писано немало, хотя и не особенно много; но то, что написано о ней полковником Турбиным, так непосредственно и своеобразно характеризует этот далекий край, что книжечка его никак не может быть лишнею для того, кто желал бы познакомиться с бытовою жизнью в "стране изгнания". Рекомендую с этой стороны упомянутую книжку, мы, конечно, не затруднились бы указать на обилие хороших замечаний автора об устройстве сибирского хозяйства и проч., но всех этих замечаний не перечислишь, да и в одном беглом перечне их нет никакой пользы. Для того чтобы ознакомить читателя с интересной и необыкновенно легко читаемой книжкой г. Турбина, гораздо лучше привести из нее небольшие, но очень живые сцены, яркие картинки, которые могут служить образцом мастерства автора рассказывать с задушевною безыскусственностью и простотою. Не затрудняясь особенно тщательным выбором, берем три встречи полковника Турбина: 1) с каторжным бродягою, 2) с ссыльным поляком и 3) с добровольными переселенцами.

Встреча с каторжным бродягой произошла в селе Заводоухоновском, где полковник переменял лошадей и сварил себе раков и ел их. Вот как он рассказывает об этой встрече:

"Бряцанье цепи прервало мое гастрономическое наслаждение.

- Хозяин, что это такое?

- А надо быть, бродягу ведут.

Я выглянул в окно. Перед домом стоял рослый детина, с окладистою светло-русою бородой, в ножных кандалах, одетый в плохой побуревший армяк и стоптанные бродни, и при нем, в виде конвойного, дряхлый старичок десятский с палочкою.

- Подайте Христа ради! - проговорил бродяга.

Хозяин подал большой кусок пшеничного хлеба.

- Здравствуй, братец! - сказал я.

- Здравия желаю, ваше высокоблагородие.

- Ты какой губернии?

- Херсонской.

- Отчего же так чисто говоришь по-русски?

- Да я только родился в Херсонской губернии, а у меня отец и мать были русские.

- Ты, верно, из солдат?

- Точно так, ваше высокоблагородие.

- Где служил?

- В N кирасирском полку, ваше высокоблагородие.

- Имени не скрываешь?

Страна изгнания. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru

- Никак нет, ваше высокоблагородие: Семен Васильев Скляров.

- За что же ты попал сюда?

- Долго рассказывать, ваше высокоблагородие.

Вот рассказ Семена Склярова, с которым мне еще раз пришлось встретиться:

- Служил я, ваше высокоблагородие, как уже докладывал, в N полку. Характер у меня, то есть, самый неподходящий: не уважил я раз вахмистру тот ротмистру; расправа в то время была известно какая; я заартачился, до грубости дошел большой; ну, под суд отдали; прошел полторы тысячи и попал в арестантскую роту.

- А потом?

- Потом, ваше высокоблагородие, не мог потрафить в арестантской роте.

- И что же?

- Да ничего. Попал под суд, прогнали сквозь строй, лишен солдатского звания и сослан в каторжную работу в Александровский винокурный завод; оттуда бежал, пойман, наказан плетьюми, с постановлением литеры Б. ниже локтя, с назначением в Петровский железный завод, откуда бежал вторично и добровольно явился в Омутинской волости.

- И не добровольно, а поймали, - вмешался десятский.

- Почтенный старичок, где же поймали? Как бы я хотел уйти, нечто ты укараулишь? Смотри.

Скляров тряхнул ногою, и деревенские кандалы слетели.

- Ты это видишь? То-то же!

- Куда же ты пробирался?

- Да куда глаза глядят. Мы, бродяги, все больше так ходим. А что, ваше высокоблагородие, об манифесте ничего не слышно?

- О каком манифесте?

- Да вот памятник в Новгороде открывают, так по этому случаю?

Слухи и толки о манифесте по случаю открытия новгородского памятника в Сибири были повсеместны, и бродяги сильно на него рассчитывали.

- Что же теперь с тобою будет?

- Да ничего. Накажут плетьюми, поставят слово како (с. к., то есть ссыльно-каторжный) на руке и на лопатке и пошлют в нерчинское ведомство. Вы, ваше высокоблагородие, куда изволите ехать?

- В Иркутск.

- Бывал-с, город хороший.

- Послушай, Скляров, ты правду мне говорил?

- А на что же мне лгать? Приедете в Иркутск, можно справиться в экспедиции о ссыльных по статейному списку.

- А из нерчинского ведомства уйдешь, или оттуда трудно?

- Это, ваше высокоблагородие, глядя по делу. Труда большого нет. Оттуда всего больше бегают. Года вот мои проходят - вот что-с! Мне ведь без года пятьдесят, ваше высокоблагородие.

На вид ему было не больше сорока.

- Надо полагать, ваше высокоблагородие, в Сибири недавно?
- Отчего ты так думаешь?
- Да нашим братом антиресуетесь. Поживите, присмотритесь; тут нас много.
- По дороге буду встречать?
- Никак нет-с. Наши тут все сторонами пробираются, маршрут свой имеют. До самой Бирюсы, то есть до иркутской границы, по большой дороге не ходим. Ну, а там если б ехали весною, то как бараны идут. Теперь, к осени, становится меньше, а все будут попадаться. Только теперь настоящих старых бродяг мало; в тех местах по осени идут больше перваки. Настоящие мастера проходят раннею весною.
- Ты же из каких?
- Да я что, всего по второму. А есть молодцы: кругом шестнадцать, или кругом Иван Иванович, значит весь в клеймах. По десятому и больше. Раза по два на приковку к тачке осужден.

Склярлов видимо одушевился.

- Ну, а встретишься с таким, ничего?
- Я, ваше высокоблагородие, докладывал – бараны, бараны и есть. Мухи не обидят, не то что человека. Христа ради попросят: дали – спаси господь; нет – на здоровье.
- Ну, кое-когда и забижают, – заметил хозяин.
- С голоду разве, да и то не всегда. А что вот этим калужским, что под Омутинским живут, об тех толковать нечего. Когда-нибудь припомнят.

Мне объяснили, что живущие в Омутинской волости новоселы-калужане очень часто ловят бродяг и представляют по начальству. Склярлов был задержан ими же.

- Послушай, Склярлов, ты человек бывалый, скажи, где лучше: в арестантских ротах или на заводах?
- Это, ваше высокоблагородие, как кому. Для человека слободного, например для мужика, для мещанина, для приказного звания, для господ, в заводах много лучше, сравнения нет, а вот для человека казарменного, как наш брат, – беда просто...
- Отчего же это?
- Да как же, с малолетства тебя одевали, кормили, вот привычки и нет, как с собою обойтись. В заводах дадут тебе паек, жалованье, – распорядись, как знаешь. А наш брат, известно, жалованье – в кабак, с пайком тоже обойтись не умеет: привык к готовому. А в арестантской роте я сыт, обут, одет; сидеть под замком привык сызмала, а работа не бог знает какая. Общество большое, все свои. А вот слободным, так тем в арестантских ротах шибко круто приходится, особенно которые с Капказа, а на заводах – ничего, скоро обживаются.

Распросы и наблюдения, сделанные мною после, привели к убеждению, что эти слова Склярлова положительно верны.

Лошади были уже давно готовы, и нужно было ехать.

- Счастливо оставаться, ваше высокоблагородие! – крикнул по-солдатски Склярлов. Я ему подал целковый, он не взял.

- Много даете, ваше вскабродие: вам дорога дальняя, – пожалуйста гривенник, больше не нужно".

Вот и вся сцена, но какая глубокая, потрясающая и характерная сцена. Этот Склярлов стоит перед вами как живой, и стоит не оболганный и облаянный, а 1а Глеб

Страна изгнания. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Успенский, а очищенный и омытый своею безропотною скорбью, которую передает с такою сердечною простотою г. Турбин.

Теперь образец сцен другого рода.

Автору начинают встречаться ссыльные поляки, из которых ни один не хочет сознаться, за что он сослан, и все объявляют себя политичными. Настоящие политические поляки их терпеть не могут и чуждаются, но тем не менее те все-таки отыгрывают свои политические роли. Лиц этого сорта очень много; но мы возьмем одно наиболее приятное исключение, – это поляк Z..., сосланный за продажу своей лошади, – единственный ссыльный поляк, не объявляющий себя политическим.

Вот что рассказывает о нем г. Турбин:

"На почтовой станции ко мне явился человек, показавшийся по наружности отставным солдатом, но прежде чем я успел предложить ему вопрос: где он служил? – я услышал от него такую рекомендацию: "Z..., byty czlchcic z wielienskiego, rozbawiony wszelkich praw" (то есть бывший виленский шляхтич, лишенный всех прав).

На мой вопрос: за что же он посбавлен прав? – я ожидал ответа – за что-нибудь в политическом роде, но услышал: "Za sprzedaz wlasnego konia". {За продажу собственной лошади (польск.)} За этим последовал длинный и, как видно, много раз повторенный рассказ, что Z... продавал собственную лошадь, в которую вклепался "пся вяра жид", и продавца судили и осудили как вора. В рассказе часто упоминались пани матка и пан брат, последний не иначе, как с прибавлением "бестия". Не последнее место занимал также пан исправник, с прибавлением "галган" и "лайдак". О пане городничем тоже было сказано, что когда Z... с лошадью был приведен в полицию и ему там сделали импертиненцию (дерзость), то он "сдубельтовал", то есть отвечал тем же, с удвоением. Z... был единственный встреченный мною в Сибири поляк (а я их встречал много) без примеси политики. Не знаю, насколько справедлив рассказ шляхтича, но в литовских местечках не раз мне случалось видеть, как у бедняков крестьян и мелких шляхтичей отбирали их собственный скот по жидовским претензиям. А тут еще присоединилось ответное дубельтованье сделанной импертиненции.

Подъезжая к селу Осмутинскому, со мною встретилось десятка два подвод, возвращавшихся порожняками. Лица, одежда и самая упряжь показались знакомыми. Громко сказанные слова: ен (он) и яны (они) сразу объяснили мне, что это за люди и почему показались знакомыми.

– Здравствуйте, братцы! Вы курские?

– А курскаи, усе (все) как есть курскаи. А твоя милость откелича? С наших сторон, что ли-ча? – посыпались вопросы.

– Нет, братцы, я орловской, только долго жил в Курске.

– Орловской, ето значит сусед, усе едино. – Ребята, снявши шапки, побросали телеги и обступили повозку. Молодые парни, по курскому обычаю, молча разинули рты (признак особого внимания). Душою я невольно перенесся на родину.

– Давно вы переселились?

– Дамно. Годов тридцать есть; ети усе понародились здесева; я мальчонкой пришел, – отозвался мужик постарше. – Стариков много примерло, а кое-какие ешшо есть.

– Где же вы живете?

– А тут поблизости, версты четыре.

– И где четыре! ня буде четырех, – три.

– я табе говорю, четыре.

– А я табе говорю, три. Спор поднялся".

Полковник Турбин заинтересовался земляками и велел свернуть в их деревню,

Страна изгнания. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru которую они называли "Плетнево", потому что выселены из села этого наименования в Курской губернии. Описав весьма живо, кратко и картинно свой въезд в село и изменение в костюме курян в Сибири, автор так описывает их тоску по родине.

"Поместившись в большой и довольно чистой горнице, я стал расспрашивать о житье-бытье, и мне рассказали вот что:

- Таперича ничего, как будто попривыкли, а попервоначалу - беда. Пуще всего бабы голосом голосили. У нас они, сам знаешь, привыкли два раза в год к Владычице, Знаменью Коренской божьей матери ходить, а здесь етого заведения нетути - ну и тосковали. Другое, опять наша сторона садовая, а здесева нет тебе ни яблочка, нет тебе ни дульки, - етим скучали. Верить ли, отселева баб пять, должно быть, у Коренную, к девятой пятнице ходили. Что ж, бог привел, поворотились. Пробовали мы и яблони садить, семечками, стало быть; взойдет, растеть, а там пропадет. Что будешь делать. Климат такой, что ли-ча? А вот насчет хлебушка - ничего, земля уродимая. Пшаница растеть, рожь, только настоящей аржи тут самая малость, больше ярица. Скус тот же, а силы нет. Насчет скотинки тоже слободно, а чтоб лошадей крат, как по нашим местам, здесева че слыхать.

- А каковы соседи?

- Всякие есть: и худые и добрые... Насчет сибирских, мы их чалдонами дразним, больше чаями занимаются, а работать не охочи. Иные живут справно, а есть и нищета. А то вот недалеко новоселы калуцкие: к пахоте непривычны, народ лесной, то бедуют, то есть так бедуют, что боже мой!..

Подали самовар, и, нечего греха таить, кажется, не чищенный со дня покупки.

- Э, да вы чай пьете?

- Нет, мы к нему непривычны; молодые стали баловаться. Его мы больше про чалдонов держим: яны без етого не могут.

- А чалдоны у вас часто бывают?

- А то как же? Известно, по-соседски: хлебушка когда купить, когда взять до новины.

- Разве у них нет хлеба?

- Есть, как не быть, да все меньше супроти нашего, им так не спяхать: мы на том стоим".

В этой заботе о хлебе притупляются и со временем врачуются или гаснут порывы *postalgiae* {тоски по родине (греч.)}, и переселенец становится старожилом, а потом и туземцем, которого новые пришельцы, в свою очередь, станут дразнить чалдоном, а он их считать необразованными мужиками.

Удивительная эта привилегия нашего русского человека слыть образцом невежества даже среди своих же братьев, которые имели случай только обазиятиться, и у г. Турбина очень много чрезвычайно интересных наблюдений над этими пионерами русской цивилизации в Сибири, но мы уже остановимся на том, что рассказали. Кажется, и этого довольно для того, чтобы дать понятие об этой книге тем, кто ее не читал, но может прочесть с большим для себя удовольствием и с пользой.

Недавно нам довелось сказать в "Русском мире" несколько сочувственных слов в похвалу превосходным народным сценам П. И. Мельникова и указать, что не народный жанр в повествованиях этого рода опостылел читателям, а опостылела манера жанристов Успенских, Левитова и других, прославивших за специалистов в изображении народных сцен, тогда как их справедливее, кажется, просто считать специалистами для сочинения сцен нелепых и безвкусных. Теперь же мы очень рады возможности, говоря о книге С. И. Турбина, еще раз показать, что народные сцены могут быть и интересны и приятны, если у автора, который их рассказывает, есть настоящая наблюдательность, положительный ум и добрая воля оглядеть "Ивана Ивановича кругом", а не с одной той стороны, откуда он пошлее, злее и отвратительнее.

Материал все тот же самый, но что под пером гг. Мельникова и Турбина, а еще более под пером гр. Льва Н. Толстого выходит занимательно и прекрасно, то под

Страна изгнания. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru другими перьями нередко становится безобразно и поистине отвратительно. В чем же тут секрет? Очевидно, в том, что народные сцены хороши, когда они пишутся людьми сведущими, талантливыми и чуткими, но сцены эти отвратительны, когда они сочиняются холодными паяцами, которые всегда имеют свойство надокучать своим кривляньем всякому, кто еще не извратит своего вкуса до того, чтобы предпочитать художника фигляру.

ПРИМЕЧАНИЯ

СТРАНА ИЗГНАНИЯ

Впервые опубликовано в газете "Русский мир", 1872, л 119, 9 мая, за подписью: "Н. Лесков". Впоследствии не перепечатывалось.

"Страна изгнания" является рецензией на книгу: С. Турбина и Старожила. "Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки". СПб., 1872. Лесков касается лишь очерков Турбина "Страна изгнания", имеющих подзаголовки "От Осы до Иркутска". Упоминаемые в рецензии встречи с бродягой и с переселенцами приводятся в очерке "От Тюмени до Омска", рассказ о поляке – в очерке "От Омска до Томска". Первоначально очерки Турбина печатались в "С.-Петербургских ведомостях" в 1863 – 1864 годах.

С беллетристом и драматургом Сергеем Ивановичем Турбиным (1821 – 1884) Лесков был знаком и лично. Колоритный портрет этого литератора дан в книге А. Н. Лескова. По его свидетельству, Лесков считал Турбина "нигилистом чистой расы" и "вывел, значительно смягченным, в романе "На ножах" в лице майора Форова" (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 232). Позднее о Турбине Лесков писал в очерке "Досуги Марса" ("Русская мысль", 1888, л 2). См. также письмо 55 и примечание к нему.

Стр. 172. ...памятник в Новгороде открывают... – Речь идет об открытии в Новгороде в 1862 году памятника тысячелетия России работы скульптора М. О. Микешина (1836 – 1896).

Стр. 174. ...оболганный и облаянный, а 1а Глеб Успенский... Впоследствии Лесков изменил свою оценку творчества Г. И. Успенского и положительно отзывался о его произведениях. Так, в рассказе "Интересные мужчины" (1885) Лесков характеризует Глеба Успенского как "одного из немногих литературных собратий наших, который не разрывает связей с жизненной правдой... от этого беседовать с ним всегда приятно и очень нередко – даже полезно" (наст. изд., т. 8, стр. 55). См. также теплый отзыв об Успенском в заметке "Три первоклассные писателя" ("Петербургская газета", 1885, л 45). В 80-х годах устанавливаются личное знакомство и переписка писателей (см. Г. И. Успенский. Собрание сочинений, т. 9, стр. 383).

Стр. 177. ...в похвалу... народным сценам П. И. Мельникова... Возможно, имеются в виду отзывы В. Г. Авсеенко, ведшего в "Русском мире" (за подписью: "А. О.") обозрение "Очерки русской литературы", о романе "В лесах" ("Русский мир", 1872, лл 84, 1 апреля, и 116, 6 мая); там же и в других заметках содержатся выпады критика по адресу демократической литературы.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!